

В. Ф. АНТИПЕНКО

**заведующий кафедрой международного права Института
международных отношений Национального авиационного
Университета, доктор юридических наук**

МЕЖДУНАРОДНОЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Поскольку терроризм – международное по своей сущности и преступное по международному праву явление, противодействие ему затрагивает сферу международных политических и социальных отношений, глобальной экономики, то есть связано с проблемами мироустройства, миропорядка.

Распространение терроризма на фоне нарастания глобальной конфликтности следует связывать с кризисом капиталистической миро-системы, составляющей сущность современного мироустройства. Содержание этого кризиса глубоко разработано в социальных и экономических теориях И. Валлерстайна, А. С. Панарина, Дж. Модельски, А. И. Неклессы, Дж. Гольдстайна, О. Платонова и др. На базе констатации такой конфликтности образуется основополагающий инструментарий для научного поиска путей противодействия терроризму в разных областях, в частности, в международном праве.

Между тем, проведенное исходя из такой оценки детерминант терроризма исследование в сфере международного права показало, что механизм международно-правового регулирования борьбы с этим международным преступлением¹ мог быть более эффективным, если бы базировался на конфликтологическом комплексном подходе, в основе которого лежит принцип коллективной ответственности всех участников международных отношений за возникновение терроризма и разрастание до уровня общечеловеческой угрозы².

Обоснование указанного принципа осуществлено путем международного криминологического исследования терроризма, результаты которого, с одной стороны указывают на международную сущность этого преступления, а с другой – раскрывают причины его возникновения и небывалой активизации в современных условиях.

Разработанные определения терроризма и террористического акта и международно-правовые механизмы борьбы с ним могут быть общеприемлемыми, поскольку базируются на основополагающих ценностях, исповедуемых международным сообществом, таких как равноправие, суверенитет, право народов на самоопределение и независимость.

¹ Предыдущая оценка терроризма как международного социально-политического явления здесь вовсе не отрицается, а дополняется его правовым измерением.

² Подробно см.: Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы / В.Ф. Антипенко. – К. : Юнона – М., 2002. – 723 с.

Принципиально новая квалификационная конструкция состава международного преступления – терроризм, помимо юридического предназначения, содержит и примиренческую функцию для стран и народов, стоящих на разных (нередко полярных) позициях в оценках современного терроризма, может служить базовой основой для диалога и сотрудничества государств, международных организаций, социальных групп и движений, заинтересованных в преодолении терроризма.

Ведь становится очевидным, что международное право в сфере борьбы с терроризмом изначально способно вносить дополнительную напряженность в отношения сторон, стоящих за террористическими конфликтами, поскольку базируется на не всеми приемлемом понятии терроризма. Эскалация терроризма во многом обусловливается вытекающей из этого неэффективностью международно-правовых актов, принимаемых в сфере борьбы с терроризмом. По своему содержанию они не предполагают эффективного воздействия на направленность международных социально-политических и экономических процессов, образующих основу для активизации терроризма. Международное право в сфере борьбы с терроризмом концептуально не определилось в исходной оценке общей ответственности международного сообщества за создание условий и возможностей для возникновения и распространения терроризма, а также для реализации террористических актов как таковых. Упорно избирая полем своего регулирования лишь тот сегмент терроризма, который связан в основном с объективной стороной преступных действий террористов, международно-правовые акты оставляют без должного внимания те политические, социальные и экономические аспекты международных отношений, которые порождают и усиливают террористические процессы. Иными словами, проблема эффективности международного права в сфере борьбы с терроризмом состоит в том, что оно основывается на оценках терроризма как преступного деяния, то есть террористического акта. Терроризм же приобрел формы международного социального явления. Как известно, явление это то, в чем содержится сущность. Сущность терроризма как социального явления содержится в конфликте, который характеризуется противоборством двух сторон, с применением хотя бы одной из них террористических актов. Следовательно, присутствующая в современном международном праве юридическая оценка терроризма как проявления только одной стороны террористического конфликта (терроризма) не может отвечать его сущности. Поэтому не могут быть объективными и производные такой оценки, в частности правовая квалификация терроризма, характеризующая состав этого международного преступления.

Этими соображениями объясняется «нетрадиционность» ключевых понятий, принципиально предопределяющих содержание международного антитеррористического права¹.

---

¹ Обоснование межотраслевой, межсистемной отрасли права — международное антитеррористическое право, см. Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом : автореферат дис. на соискание ученой степени докт. юрид. наук / В.Ф. Антипенко. — М., 2004. — 59 с.

Терроризм – это состояние насильственного противоборства, которое наряду с нанесением ущерба национальным интересам, посягает на какие-либо аспекты международных отношений и основывается на конфликте политических, экономических, этнотерриториальных и религиозных интересов государств, народов, наций, социальных групп и движений, при условии использования хотя бы одной из сторон террористических актов как средства воздействия на противника для достижения политических целей.

Террористический акт – это преступное общественно-опасное деяние в терроризме по созданию условий воздействия на государство, международную организацию, иностранное правительство и их представителей или на юридических и физических лиц или группу лиц с целью понуждения осуществить или воздержаться от осуществления определенного действия, совершенное путем устрашения при наличии умысла на причинение гибели невинным людям.

Приведенные определения показывают, что терроризм как самостоятельная объективная категория материализуется, во-первых, в наличии, как минимум, двух противоборствующих сторон, образующих ядро террористического конфликта, с их противоположными целями. Во-вторых, обе стороны имеют социальную поддержку международного масштаба, в том числе и сторона, использующая в качестве средства борьбы открытые террористические акты. В противном случае терроризм на уровне мировой угрозы просто не может состояться. В-третьих, терроризм предполагает различные силы, средства и способы борьбы сторон. С одной стороны, это, как правило, радикализованные, хорошо организованные и вооруженные структуры с применяемыми ими террористическими актами, а с другой – государство с его силами спецназначения, армией, полицией и т. п., использующее в основном легитимные способы борьбы. Наконец, в-четвертых, террористические механизмы приводятся в действие управленческими звеньями разных уровней – от тактического до стратегического и, возможно, до геостратегического.

Является очевидным, что международное право в сфере борьбы с терроризмом не в полной мере отражает возрастающую актуальность проблемы дифференцированной ответственности широкого круга участников международных отношений за создание условий и возможностей для возникновения и распространения терроризма, а также для реализации террористических актов как таковых. Вся его мощь обрушивается на собственно террористические акты, причем в их безмотивной рафинированной интерпретации, что противоречит самой сущности права.

Таким образом, терроризм как международное преступление в значительной мере остается, по сути, вне поля регулирования международного права. Вместе с тем, терроризм как социальное по своему происхождению явление, является общим продуктом деятельности социума, и одолеть его можно, задействовав комплекс мер с приоритетом решения фундаментальных социально-экономических и политических проблем при регулятивном обеспечении соответствующими международно-правовыми механизмами.

Научно-теоретическое обоснование такого подхода выстраивается с позиций смежных с международным правом наук: геоэкономики, социологии международных отношений, культурологи, конфликтологии, военной и других наук.

Итак, каков же смысл геоэкономических обоснований? Развитие глобальной экономики, отражая кризис существующей капиталистической миросистемы, сопровождается дальнейшей поляризацией экономической и социальной жизни мирового сообщества. В этих условиях все более значительную роль приобретает терроризм, с одной стороны, как показатель возрастающей конфликтности, а с другой – как составляющая и продукт социального взаимодействия (нередко неравноправного) сторон, представляющих в целом Север и Юг, в котором последний, по мере возникновения и обострения проблем во взаимоотношениях, все более активно прибегает к террористической тактике действий, поскольку усматривает в этом единственно эффективное средство обеспечить сопоставимость возможностей сторон.

Сейчас уже нельзя обойти вниманием разрушительные геоэкономические тенденции. Мы являемся свидетелями воцарения спонтанного миропорядка в образе новой глобальной субкультуры – финансовой цивилизации, когда происходит замена власти публично избранных политиков на анонимную власть финансовой элиты с ее подспудным эготеризмом, пытающимся объединить тотальное человеческое своеволие с идеей изоциренного анонимного контроля над обществом.

В контексте утверждающейся виртуальной экономики констатируется, что капитал постепенно умалает свою производственную составляющую, трансформируясь в квазизолото финансово-информационных потоков. Происходит умножение сфер человеческой практики и рост числа территорий, пораженных непроизводительной и криминальной активностью, сливающихся в единый феномен деструктивной квазиэкономики.

Важно, что по мере такого развития глобальной экономики улетучиваются надежды на развитие до уровня приемлемых цивилизационных критериев, прежде всего, стран и народов, представляющих бедный Юг.

Симптоматично также, что эти процессы, являясь частью взаимоотношений и психологии насилия, далеко не всегда находят криминализацию в международном праве. Они искусственно и искусно отделяются от видимых насильственных проявлений, где в качестве доминанты, поглощающей все остальные виды системного вооруженного насилия, все отчетливее выступает терроризм.

Конфликтогенность существующего комплекса экономических противоречий определяется тремя основными характеристиками. Во-первых, они порождают протестные настроения и намерения самых разных уровней и направлений, во-вторых, конфликтная, нестабильная среда сама по себе является благотворным условием, способствующим многократному возрастанию прибылей для крупного транснационального капитала, и особенно для указанных форм квазиэкономики, а, в-третьих, создание обстановки нестабиль-

ности и конфликтности в регионах, не причисляемых к Западу, используется в целях обоснования экономической и политической несостоятельности национальных режимов.

Указанные негативные тенденции в глобальной экономике имеют, по мнению специалистов, объективный характер и все более утрачивают контроль со стороны международных организаций и мировой элиты¹. Отсюда понятно значение международного антитеррористического права, основанного на адекватной оценке терроризма как негативного социального явления и сущностной характеристики глобальной экономики, поскольку правовое воздействие на терроризм в этом случае предполагает воздействие на негативные факторы в кризисном развитии глобальной экономики.

С позиций социологии международных отношений высвечивается опасность терроризма, вытекающая из его естественной «встроенности» в международные социальные механизмы.

Подтверждена международная сущность терроризма, его характеристика как международного явления. Сквозь призму основополагающих принципов теории международных отношений наиболее четко и убедительно объективизируется и материализуется возрастающая регулятивная функция терроризма в современной международной жизни с ее глобализационными тенденциями.

В нарастании мировой террористической угрозы как наиболее острой формы международных социальных отношений воплотились социальная противоестественность неоглобализационных процессов, несущих в себе терроризм, в которых политическим решениям как составной части этих процессов изменить что-либо не под силу. Поэтому роль международного права, четко сформулированного в сфере борьбы с терроризмом и охватывающего своим регулирующим воздействием все аспекты этого преступного явления, трудно переоценить.

Следует также отметить, что социальные теории, в основе которых лежит указание на кризис капиталистической миросистемы, настолько близки предлагаемому международно-правовому антитеррористическому механизму, что в их сопрягаемости видится возможность избежать катастрофичности при переходе к новым формам мироустройства. Логика реализации здесь видится в воздействии на мировые процессы через международно-правовое регулирование борьбы с терроризмом как продуктом, составляющей и регулятивным фактором глобальной экономики.

В сфере взаимоотношения культур основное конфликтогенное начало возникает с учетом разности процессов, происходящих в западной и восточной культурах.

Первая, все более прагматизируясь, обретает цивилизационные формы и, утрачивая духовную сущность, стремится компенсировать это за счет экспансии, искусственного навязывания своих, теряющих демократическое со-

¹ См., например, Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное общество: новая система координат (подходы к проблеме) / А.И. Неклесса. — СПб : Алетей, 2000. — С. 42.

держание, ценностей странам и народам, обладающим иной культурной вестью. На фоне такого усиливающегося корыстно-индивидуалистского начала в западной культуре весьма заметна тенденция к традиционному обращению к своим истокам и корням в культурах востока (особенно базирующихся на исламе). Насаждение западных ценностей другим народам и государствам происходит далеко не безболезненно и нередко влечет вооруженные конфликты, поскольку сопровождается несправедливой конкуренцией, которая, по выражению папы Иоанна Павла II, «ставит бедные нации в положение все большей униженности»¹.

Не отрицая несомненной пользы западного культурного мессианства (но не миссионерства), распространения технико-экономических достижений западной цивилизации, ее высоких духовных ценностей, следует все же указать, что таким образом закладывалась конфликтообразующая основа, послужившая составной частью международного социально-политического явления, получившего наименование «современный терроризм» и представляющего одну из опаснейших мировых угроз.

Глобализация неумолимо ведет к коммерциализации, а затем к разрушению культуры в не западном мире.

Если эти рассуждения верны, то верно и другое. Терроризм как международное социально-политическое явление нельзя оценочно рафинировать к форме или способу вооруженного насилия (т. е. террористическим актам как таковым). Это двусторонний процесс взаимного насилия, имеющий экономические, историко-культурные и другие аспекты, чрезвычайно активизировавшийся в условиях глобализации.

Вовлечение гуманитарной сферы в противоборство предполагает высокую антитеррористическую эффективность международного права. Именно международное право призвано содействовать созданию тех форм консенсуса, которые, объединяя потенциал всего разнообразия культур на земле и учитывая их особенности, сформировали бы общеприемлемые, базирующиеся на согласованном понятийном аппарате юридические механизмы борьбы с терроризмом. Собственно, такие международно-правовые конструкции и были бы отражением сущности единой общечеловеческой культуры.

Основные положения конфликтологии о продуктивности социального конфликта призваны показать несостоятельность подхода в террорологии, согласно которому терроризм сводится к деятельности оторванных от социума террористических групп и террористических сетей.

Этот подход базируется на ошибочной концепции, исходящей, прежде всего от Т. Парсонса об аномальности социального конфликта, его «эндемичности». Из этого вытекает версия о «нереальности» террористического конфликта (терроризма), т. е. отсутствие в качестве его основы серьезного социального противостояния, которая воплощается в бесплодных попытках одолеть терроризм путем уничтожения собственно террористов и террористических групп.

---

¹ Цит. по: Этос глобального мира. — М. : Горбачев-фонд, 1999. — С. 12.

В праве это заблуждение трансформируется в ошибочное неполное определение субъекта терроризма и образование, вследствие этого, правовых норм и принципов, предполагающих регулирование борьбы лишь с террористическими актами, но не с терроризмом, представляющим собой противостояние социальных мегагрупп, в котором одна из сторон прибегает к средству борьбы, определяющему террористический характер этого глобального социального конфликта – террористическим актам.

Феномен террористических актов, обеспечивших как средство борьбы глобальные масштабы терроризма, раскрывается с помощью инструментария военной науки в рамках теории террористической асимметрии. Речь идет о революционном влиянии террористических актов на соотношение возможностей сторон в вооруженном конфликте. Разрушая сложившиеся привычные и контролируемые войсковыми средствами отношения партизанской иррегулярности (даже при их известной специфике), террористические акты придают борьбе абсолютную иррегулярность и абсолютную враждебность.

Создаются условия для неограниченной, неконтролируемой асимметрии социального конфликта, который вряд ли может быть разрешен в условиях существующего мироустройства.

По мере эскалации современного терроризма все большую остроту приобретают и «внутренние» для международного антитеррористического права проблемы.

Так, в системе международно-правового противодействия терроризму существует проблема реализации принципа ответственности государства.

Эпицентр терроризма все более смещается в сферу отношений между физическими лицами (группами, организациями, движениями), которые не представляют государство, с одной стороны, и государствами, международным сообществом – с другой. В то же время в международном праве наиболее полно разработаны антитеррористические нормы, в которых субъектами правоотношений являются государство и физические или юридические лица, связанные с государством. Ситуация усложняется тем, что, во-первых, противодействующие в террористическом конфликте стороны нередко предъявляют друг другу претензии в формате межцивилизационных отношений. Во-вторых, государства (и физические лица их представляющие), которым адресуются террористические акты, стремятся скрыть свою причастность к созданию причин и условий, способствующих совершению терактов.

Также возможности международного права значительно ограничиваются тем, что терроризм все более активно паразитирует на моральных и юридических ценностях, наработанных в международном праве, подрывает международно-правовую систему, создавая условия для правового коллапса. Все чаще ему удается провоцировать государства и международное сообщество на действия, правомерность которых вызывает сомнения.

Указанные и другие пробелы в системе реализации возможностей международного права можно восполнить в рамках предложенной принципиально новой квалификационной конструкции состава международного пре-

ступления терроризм, основу которой составляет сложный (совокупный) субъект этого преступления.

Понятие совокупности здесь включает и государство (государства, международные организации), которое посягает или пренебрегло принципами и нормами права наций на самоопределение, государственность, национальную и территориальную целостность, и государство (государства, международные организации), которое предоставляет финансовую или другую материальную поддержку силам, которые реализуют эти намерения, а также государства, которые спонсируют ответные действия в виде террористических актов. Указанный совокупный субъект должен включать также физических лиц, которые выполняют волю государств (международных организаций), направленную на нарушение международных обязательств по обеспечению права народов на самоопределение, а также лиц, которые путем осуществления террористических актов добиваются реализации права на самоопределение, развитие или территориальную целостность.

При этом, как уже говорилось, следует принимать во внимание, что современный терроризм предусматривает наличие двух сторон, противоположность целей которых и противодействие друг другу очевидны, поскольку они образуют террористический конфликт. Этим терроризм существенно отличается от террористического акта как преступного способа реализации противодействующими сторонами (или одной из них) своих целей. На уровне террористического акта совсем не обязательно присутствие (существование) противодействующей стороны, поскольку он по своей сути совершается в отношении случайных людей и объектов.

Именно главная ответственность за возникновение террористической ситуации и предопределяет необходимость объединения в один субъект противодействующих сторон. То есть, сам факт возникновения терроризма должен определять причастность сторон к субъекту преступления и ответственность, которая вытекает из этого.

При этом важно избежать политического контекста в оценках степени вины и ответственности сторон, которые составляют субъект терроризма. Обе стороны должны быть доступны юридической процедуре и их действия должны подпадать под юрисдикцию и быть подвергнутыми международной уголовно-правовой оценке.

Предложенная конструкция совокупного субъекта терроризма может затрагивать политические, экономические, социальные и прочие интересы государств и народов. Однако возникновение терроризма как следствия любого конфликта выступает столь серьезной доминантой, что образуется почва для внесения принципиальных изменений в международные юридические механизмы.

Правовой анализ субъективной стороны терроризма базируется на его оценке как продуцируемого взаимосвязанными действиями противоборствующих сторон и чрезвычайно опасного самого по себе результата. Осуществляя любые действия, препятствующие национальному самоопределению, разви-

тию или реализации других предусмотренных международными нормами и принципами прав, государство (международная организация) должно допускать, что по причине несравненно более низкого военно-экономического потенциала оппонента силовой вариант решения конфликта может повлечь за собой использование террористических методов борьбы. Если такие действия будут иметь место, то в совокупности с действиями «инициатора» конфликта они образуют терроризм.

Допускается, что настоящие масштабы преступных результатов не всегда могут быть предвиденными в полной мере. Но для констатации виновного умысла на терроризм этого и не нужно. Важно, чтобы сторона, которая «иницирует» конфликт (прямо или опосредствованно), сознавала, что вследствие её действий может возникнуть терроризм. Отсюда, несмотря на то, что в международных преступлениях преобладает прямой умысел, терроризм должен определяться и косвенным.

Это имеет значение и с точки зрения субъекта, который представляет сторону собственно террористов. Содержание их вины определяется также неоднозначно, поскольку право народов на самоопределение и развитие обеспечивается значительной международной нормативной базой. Оно предусматривает возможность бороться всеми, имеющимися в наличии, в том числе и насильственными средствами.

Понятие умышленной вины не может быть применено к той части деятельности террористических движений, которая касается их намерений и действий относительно ведения освободительной борьбы насильственным, вооруженным путем. Ответственность за терроризм для них связана с наличием умысла на применение преступных, террористических средств борьбы. Такое содержание субъективной стороны терроризма, касающейся «исполнительской» составляющей субъекта этого преступления, имеет под собой реальную международно-правовую базу, которая конкретно выражается в предложенном определении терроризма и террористического акта.

Признавая тем самым неправоту другой стороны, в ответ на действия которой в рамках конкретного конфликта совершаются преступные теракты в качестве способа воспрепятствования правонарушению, соответствующим образом определяются пределы состава преступления.

Иначе говоря, международно-правовую борьбу с причинами и условиями, способствующими возникновению эскалации терроризма, предлагается осуществлять не только политическими, дипломатическими и другими мерами либо путем формирования отдельных составов преступлений, а, что очень важно, в пределах единого состава международного преступления терроризм.

Предложенный совокупный субъект, наряду со своей юридической функцией по объективизации состава преступления содержит и функцию примирительную.

Таким образом, речь идет о самостоятельном цельном подходе к оценке сущности терроризма, его детерминант и причин нарастающей масштабной-

сти, в основе которого лежит осознание наличия все более четко проступающего глобального террообразующего конфликта. В рамках этого конфликта различимы объективные действия, мотивация и целеполагание сторон, что может быть использовано для их криминализации в международном праве.

Важно также, что с позиций такого подхода открывается возможность дифференцированной оценки различных очагов террористических конфликтов в ряде стран и регионов мира. Представляется, что отдельные из них продуцируются и поддерживаются искусственно, не отражают сути указанного глобального конфликта и помимо прочего имеют целью отвлечь внимание от обостряющихся проблем, связанных с необходимостью его разрешения.